

УДК 882(091)-1

У истоков русского символизма. Николай Минский из Глубокого

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Исследуется творчество уроженца Витебского Поозерья, поэта, драматурга, философа, переводчика Николая Максимовича Минского. Совпавшее по времени с тотальным духовным кризисом – философским (выявление несостоятельности позитивизма и просветительского культа разума), религиозным (падение авторитета христианства), эстетическим (сознанием «недостаточности реализма»), политическим (крах народничества) – оно пронизано персоналистским мироотношением, получившим выражение как в лирике, так и в философско-художественной прозе Н. Минского. Вместе с творчеством других выдающихся поэтов «серебряного века», реализовавших идейную и эстетическую программу символизма, оно способствовало формированию нового художественного мировосприятия, а затем и новых философских систем.

В истории литературного развития Поозерья особое место принадлежит поэту и драматургу, философу и переводчику, одному из родоначальников русского символизма Николаю Максимовичу Минскому (настоящая фамилия Виленкин). Он родился в г. Глубоком в бедной еврейской семье 15(27) января 1855 года. Рано потерял отца, в память о родине которого и взял псевдоним «Минский». Окончив с золотой медалью в 1875 году минскую гимназию, юноша поступил на учебу на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь близко сошелся с будущим известным российским критиком и библиографом Семеном Венегеровым, который ввел студента Валентина в народнические и близкие к ним по идеологии кружки столичной молодежи.

Известность начинающему поэту принесли стихотворение «Сон славянина» (напечатано в 1976 г. в газете «Новое время») и поэма «На родине» (журнал «Вестник Европы», 1877 г.), посвященные теме славянского движения. Основной пафос поэзии Н. Минского в конце 70-х – начале 80-х годов – гражданская рефлексия, выразившая разочарование современного поэту поколения в программе либерального народничества.

Начав с песен о народе («В деревне», 1878; «Наше горе», 1879; «На чужом пиру», 1880 и др.), Н. Минский вскоре пришел к теме «больного поколения», раздвоенного между жадной борьбы и неуверенностью, как в ее возможных результатах, так и в своих силах. Стихи начинающего поэта, пронизанные гражданственностью («Последняя воля», «Песни о Родине», «Над могилой В. Гаршина» (1879), «Казнь жирондиста» и др.) пользовались успехом в среде революционно настроенной молодежи, их читали на студенческих сходках, в атмосфере «пропитанной табачным дымом», «чадом горячих убежденных речей».

Вот, к примеру, два стихотворения той поры.

Наше горе

Не в ярко блещущем уборе
И не на холеном коне
Гуляет, скачет наше Горе.
По нашей серой стороне.
Пешком и голову понуря,
В туманно-сумрачную даль
Плетётся русская печаль.
Безвестна ей проклятий буря,
Чужда хвастливая тоска
Смешна кричащая невзгода.
Дитя стыдливого народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкий крест несёт без шума.
И лишь в тени родных лесов,
Под шёпот ели иль берёзы,
Порой вздохнёт она без слов
И льёт невидимые слёзы.
Нам эти слёзы без числа
Родная муза сберегла...

И – «Над могилой В. Гаршина»:

Ты грустно прожил жизнь. Большая совесть века
Тебя отметила глашатаем своим,
В дни злобы ты любил людей и человека
И жаждал верить, безверием томим.
Но слишком был глубок родник твоей печали.
Ты изнемог душой, правдивейший из нас, –
И струны порвались, рыдания отзвучали...
В безвременье ты жил, безвременно угас!
Я ничего не знал прекрасней и печальней
Лучистых глаз твоих и бледного чела,
Как будто для тебя земная жизнь была
Тоской по родине – недостижимого дальней
И творчество твоё, и красота лица
В одну гармонию слились с твоей судьбою,
И жребий твой похож, до страшного конца.
На грустный вымысел, рассказанный тобою.
И ты ушёл от нас, как тот певец больной,
У славы отнятый могилы дуновеньем;

Как буря, смерть прошла над нашим поколением,
Вершины все скосив завистливой рукой.
Чья совесть глубже всех за нашу ложь болела,
Те дольше не могли меж нами жизнь влачить,
А мы живём во тьме, и тьма нас одолела...
Без вас нам тяжело, без вас нам стыдно жить!

Замечательная своей исторической и психологической достоверностью поэма «Последняя исповедь» (напечатана в 1879 г. в нелегальной газете «Народная воля»), близкая своим пафосом поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри» и посвященная памяти казненных борцов с самодержавием, дала толчок для замысла картины Ильи Репина «Отказ от исповеди!» (1875–1879). В стихах Н. Минского воссоздался образ эпохи, являющий собой уныние, мрак ненастья и темницы («Край родной, угрюмый, как темница»). Гражданская направленность поэзии Н. Минского в конце 70-х – начале 80-х годов была актуальной для своего времени и находила живой отклик у читающей публики, особенно, в разночинной среде. О ее остропроблемности свидетельствует тот факт, что выпуск первой поэтической книги Н. Минского «Стихотворения» не прошел мимо внимания цензуры. Министр внутренних дел граф Д.А. Толстой в представлении Комитету министров 18 марта 1883 г. писал: «Все стихотворения в рассматриваемом сборнике, за исключением нескольких, носят на себе яркий отпечаток почти нескрываемой автором «гражданской скорби» по тому складу нашей нравственной и политической жизни, который охраняется основными законами государства и вытекает из нашего развития и духа истории. Все поставленное в законные пределы, ...оплакивается автором как невольное, горемычное, несчастное, угнетенное силой властвующего догматизма... Веками освященный строй нашей жизни поэт рисует самыми мрачными красками, представляя свою родину какой-то гражданской мученицей с самым неопределенным и мрачным будущим». Министр особое внимание уделил стихотворению «Прощай, прощай, страна невыплаканных слез...», в котором, по его мнению, наряду с другими стихами, утверждается необходимость завоевания свободы «сплоченным сознанием и силою...» И далее министр подчеркивает: «...в форме как бы общей поэзии, довольно умело и талантливо отделанной, автор избрал, однако, особое содержание для нее, а именно проповедь революционных идей и прославление анархистов..., причем краски народного угнетения и горя столь тенденциозно подобраны, что в общем производят удручающее впечатление на читателя, возбуждая в нем болезненно безотрадные думы о родине...»

Граф Д.А. Толстой предложил книгу запретить, «принимая в соображение, что рассматриваемый сборник отличается крайне вредным направлением, осуждающим все правильное и законное, чем держится порядок и нравственность...» Понимая, что доступные «по своей форме, содержанию и изложению» стихи могут получить широкое распространение в молодежной среде, Комитет министров 29 марта 1883 г. принял решение о запрещении книги Н. Минского. В апреле 1883 г. книга в количестве 1175 экземпляров была уничтожена, на квартире автора был произведен обыск и против него возбуждено политическое дело.

Сам Н. Минский в авторском выступлении к поэтическому сборнику «Из мрака к свету» (Берлин, 1922) так описывает события, последовавшие после запрета «Стихотворений»: «Я пошел на прием к министру (внутренних дел – А.Р., Ю.Р.)... Узнав, что я автор приговоренного к сборнику стихов, министр с бешенством накинулся на меня, стал топтать ногами. ...Мы знаем, – кричал он, – кого вы подразумеваете в своих стихах!» В результате этого свидания с Д.А. Толстым, продолжает вспоминать поэт, ... меня несколько раз вызывали в Третье Отделение, и я помню, как жандармский капитан, звеня шпорами, допрашивал меня: «А кого, скажите нам, пожалуйста, вы разумели под волнами? Кого под скалами?» ...Через некоторое время меня по этому делу подвергли медицинскому осмотру на предмет выяснения, выдержу ли я климат восточной Сибири. Доктор, однако, вопреки моему доброму здоровью, благосклонно констатировал болезнь легких. Я уже было готовился к ссылке в места далекие, если и не самые отдаленные, – но тут подошел манифест по случаю коронации Александра III, и дело было автоматически прекращено. Мой первый сборник стихотворений, однако, так и был сожжен».*

Заметим, что цензурному запрету подвергались и другие произведения Н. Минского, в частности поэма «Гефсиманская ночь» (написанная в 1884, опубликована лишь в 1900 г.), подкупающая своим гуманистическим пафосом, сочувствием к человеческому страданию.

Окончив в 1879 г. университет, Н.М. Минский определился на службу в должности присяжного поверенного округа Станкт-Петербургской судебной палаты. В 1880 г. в качестве учителя детей барона Г.О. Гинцбурга дипломированный юрист уезжает на полтора года за границу в Париж и Италию. Примерно с июля 1880 г. по февраль 1881 г. он проводит в Париже, где, благодаря рекомендательному письму от редактора respectable журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича, знакомится с И.С. Тургеневым, а через его посредство – с кругами либеральной эмиграции. В Париже Н. Минский выступал с чтением своих гражданских стихотворений (первые из них были опубликованы в 1876 г. в «Журнале русских романов и путешествий») в так называемом клубе художников, патронируемом Тургеневым. Позже Н.М. Минский вспоминал, что его парижские чтения стихов, написанных в духе «народной скорби» (были и такие строки: «Париж, мостовые обгаренные кровью, фабрики и рабочие – придатки машин»), вызвали неудовольствие русского посла во Франции.

В конце 80-х годов XIX ст. служил архивариусом в русском для внешней торговли банке. Работа на юридическом поприще дала Н. Минскому возможность быть знакомым и общаться с выдающимися российскими адвокатами и прокурорами того времени А.Ф. Кони, В.Д. Спасовичем, С.А. Андреевским, К.К. Арсеньевым и др., что впоследствии сыграло заметную роль в становлении Н. Минского как теоретика, критика, философа.

В то же время современники отмечали некоторое особенное положение Н. Минского в среде радикальной молодежи, его желание дистанцироваться от народо-вольческих методов борьбы, отсутствие остроты индивидуального авторского мировосприятия. В стихах заметна двойственность отношения к общественной действительности, настроения грусти, подавленности, неясности жизненных целей, сожалений о прошлом.

* 23 апреля 1883 г. тираж «Стихотворений» был уничтожен на писчебумажной фабрике купца Крылова – о чем и был составлен надлежащий полицейский акт.

Как бы там ни было, начало поэтической деятельности Н. Минского отмечено участием как в легальных (альманах «Отклик» (1881 г.), журналы «Слово» и «Устой»), так и в нелегальных (газета «Народная воля» (1879) печатных органах народолюбцев, где были опубликованы стихотворения «Прогресс», «Последняя воля», «На Эльберге», драматическая сцена «Последняя исповедь» и др.

Шестидесятилетнюю творческую жизнь Н. Минский (от первого стихотворения, напечатанного в 1876 г. и до смерти 2 июля 1937 г. – А.Р., Ю.Р.) условно можно разделить на несколько совершенно разноплановых периодов. Попробуем дать им краткую характеристику. Первый – 1876 – рубеж 1883–1884 гг. Период «рефлексирующего гражданина», когда в творчестве Н. Минского тесно переплетаются, с одной стороны, следование некрасовским лирическим раздумьям о богатырском духе, богатырском долготерпении народа и «загадочной» крестьянской душе («В деревне», «На чужом пире», «Наше горе», «Среди полей»), а с другой – философские раздумья о смерти и бессмертии, неверии и вере, судьбах мироздания и месте человека в нем в свете богоборческих идей Ивана Карамазова Ф. Достоевского. Здесь заметно стремление поэта к постижению ситуаций нетипичных, исключительных, в которых суть жизни («проклятые», «вечные» вопросы) предельно заполняется экзистенциальным содержанием – пограничной ситуацией между жизнью и смертью («Последняя исповедь», «Казнь жирондиста», вторая песнь поэмы «Белые ночи», «Последняя воля» и др.). Героико-революционеры у Н. Минского – это люди, живущие не столько в мире «освободительных идей», сколько в мире «свободных чувств». По его определению, данному в статье «Картины и эскизы И.Е. Репина», истинные герои не боятся «одиночества и тех созерцательных настроений, тех освобождающих восторгов, которые обитают на холодных и уединенных высотах...» («Северный вестник», 1897, № 2, с. 227–228). К примеру, революционер из «Последней исповеди», которого, по религиозным представлениям, скоро ждет Божий суд, в свой последний час спешит творить суд над Богом и «лицемерами», его казнями, ставит под сомнение подлинность искупления Христом грехов человеческих («И я решил, что если на Галгофе/Века назад своей святою кровью/Грехи людей Христос бы искупил./То не было б моей сегодня казни...») Многие из стихов Н. Минского этого периода были запрещены цензурой и распространялись в списках.

Началом второго этапа, длившегося до 1905 г., является конкретная дата – 24 июля 1884 г., когда в киевской газете «Заря» публикуется статья Н. Минского «Старинный спор». По сути это первая в русской литературе «декларация декадентской поэзии», заявляющая о творчестве, не связанном с общественной проблематикой, и ставящего целью уход от реальной действительности в мир субъективной фантазии, к «вечному и чистому». Переживая высоко драматическое чувство разобщенности народолюбцев с народом и отказ от народнических упований:

Бороться – для чего? Чтоб труженик злосчастный
По терниям прошел к вершинам наших благ
И водрузил печали нашей стяг
Иль знамя ненависти страстной? –

он заявляет о переходе от гражданской рефлексии к «мистическим переживаниям»: «Я цепи старые свергаю, молитвы новые пою». Поэт часто говорит о двусторонности его сознания, уравнивающего добро со злом, он уверяет читателя в том, что «нет двух путей добра и зла, есть два пути добра» и «блаженство в том, что все равно, каким путем идти»:

Добро и зло слились. Опять хаос царит,
Но Божий Дух над ним, как прежде, не парит...

Поэт-гражданин становится эстетом, усваивает принципы «чистого искусства», воспекает владычество смерти, «холодные слова» и бесстрашие, поклоняется творчеству П. Верлена и Ш. Бодлера. Настроение поэта в этот период хорошо выразилось в поэме «Гефсиманская ночь» (1884), в которой в противовес Спасителю выступает толпа – легкомысленная, развратная и жестокая, неспособная понять и принять в душе Учение и Образ Спасителя. В стихотворении «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...», являющемся одним из лучших образцов лирики поэта, совершенно определенно звучат мотивы, предвещающие поэзию символистов: «Блажен, кто цели неземной так жаждал и страдал, / Что силой жажды сам мираж себе создал / Среди пустыни бесконечной». Собственному творчеству конца 70-х – начала 80-х годов Н. Минский противопоставил «новую идеалистическую философию в стихах», образцы которой находим в поэтическом сборнике «Новые песни» (1901).

Тенденция к индивидуалистическому мировоззрению, ставшему впоследствии одной из основ русского символизма, ярко выразилась в книге Н. Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890), которую он называл «философской поэмой в прозе» и в которой обоснованы социальные и эстетические позиции нового идейно-художественного направления, сочетающего философский пессимизм – «вечное стремление к несбыточному» – с мечтой о сильном человеке – индивидуалисте типа «сверхчеловека» Ницше. В произведениях поэта появляется ряд персонажей, варьирующих позицию Сверхчеловека, Человека-демона (Прометей, Кавказ, Агасфер). В стихотворении «Дума» (1885), полемически заостренном по отношению к одноименному произведению М.Ю. Лермонтова («Печально я гляжу на наше поколение...», 1838), Н. Минский причины общего угнетенного духа своего поколения находит не в негативном опыте отцов, не в их ошибках, а во всеобщей утрате веры, в утрате связи с мировым Целым:

Та связь незримая, которой человек
Был связан с вечностью и связан со Вселенной,
Увы! Порвалась вдруг!

Книга «У истоков совести» стала началом истории религиозно-философского течения в среде российской интеллигенции, получившего название «русский символизм». Его утверждению и распространению способствовала плодотворная деятельность Н. Минского в должности секретаря редакции первого символистского журнала «Северный вестник». Стихи, поэмы и критические статьи Н. Минского, публиковавшиеся на страницах журнала, не только способствовали формированию в 1890-е годы

мифотворческой базы российского символизма, но и поставили Н. Минского в один ряд с такими корифеями символизма, как Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, Вл.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, О.С. Булгаков и др.

Став на позицию агностицизма и иррационализма, Н. Минский подверг критике все категории человеческого сознания и нравственности, объявил их содержание «не существующим» и предложил руководствоваться категорией «абсолютного небытия» – «мэоном» («мэон» – несуществующий, заимствован из «Софиста» Платона – А.Р., Ю.Р.). Российскому обществу предлагалась персоналистская философская система «мэонизма», в которой сутью всего существующего объявлялось бесконечное отрицание всех и вся. «Мэонизм, – писал Н. Минский в своем трактате «При свете совести: мысли и мечты о цели жизни», – учит, что мир движется и борется, умирает и воскресает, наслаждается и страдает для того, чтобы постоянно, в каждое мгновение, отрицать себя во имя той святости, которая из любви к миру, сама себя повергла в небытие».

Почти 15 лет Минский находился в плену «мэонистской» философии – в 1905 г. он печатает трактат «Религия будущего» (Философские разговоры)), в котором религиозно-мистическое познание двуединого процесса «создания-разрушения» объявлялось единственной формой постижения и мира и Человека. Философские взгляды Н. Минского, эклектически соединяющие в себе различные положения современного ему субъективного идеализма, были подвергнуты резкой критике не только со стороны философов-марксистов (Г. Плеханов), но и со стороны собратьев по перу (В. Соловьёв, Н. Бердяев). Г. Плеханов, к примеру, философию Н. Минского назвал «евангелием от декаданса», «лишь новой копией весьма уже подержанного оригинала» (имеются в виду французские «парнасцы», выступавшие фанатичными сторонниками теории «искусства для искусства» – А.Р., Ю.Р.).

В 1904 г. Н. Минский написал наиболее «мэонистическое произведение» – трагедию «Альма» (1900), в которой утверждается культ неограниченной внутренней свободы личности (от толкования смерти как основы возникновения новых жизненных сил до неизбежной веры в нескончаемость человеческого стремления к идеалу), стремящейся «сделать из своей жизни нечто совершенное» ценой отказа от естественных человеческих потребностей. (В поэтической форме «мэонизм» Н. Минского находит свое выражение в поэме «Два цветка», стихотворениях «Мои друзья! Когда умру я...», «На глубине», «Два пути», «На высоте», «Как сон пройдут дела и помыслы людей»; в публицистике – в книге «Генрих Ибсен» (1897) и статье «О двух путях добра» (1903) и др.). По мнению современников поэта (М.Э. Гуковский), трагедия «Альма», культивирующая «чистотеоретическое отношение к жизни» и надуманная в идейном отношении, оказалась слабой и художественно.

Конец 1890-х – начало 1900-х гг. в жизнетворчестве Н. Минского характеризуется не только поэтически-публицистической и издательской деятельностью (в 1887 г. вышел второй сборник поэзии «Стихотворения»; в 1894 г. напечатана поэма «Город смерти»; в 1901 г. – книга «Новые песни»). Он ведет большую организаторскую работу по сплочению российской интеллигенции на основе религиозно-обновленческой программы русского символизма. В 1901–1903 гг. Н. Минский выступил организатором нескольких религиозно-философских собраний, которые, по его мнению, должны были привести к соединению российской интеллигенции с православной церковью и выработке единой про-

граммы религиозного обновления общества (их деятельность получила резко отрицательную оценку М. Горького, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и других прогрессивных писателей). Начатый в середине 80-х годов путь поиска смысла «новой жизни» завершится к 1905 г., когда Н. Минский станет известен уже как один из авторов модернистской эстетики и родоначальников русского декадентского искусства.

Третий период житнетворчества Н. Минского, пожалуй, самый короткий, условно делится на два разновременных промежутка: 1905–1906 гг., когда поэт вместе с М.Ф. Андреевой (гражданской женой А.М. Горького – А.Р., Ю.Р.), симпатизировавшей большевистской фракции РСДРП, получил разрешение на издание газеты «Новая жизнь», фактически ставшей первой легальной большевистской газетой. Здесь сотрудничали такие известные марксисты, как В. Воровский, А. Луначарский, М. Ольминский, общественно-политическое направление газеты определял В.И. Ленин. Сам же Н. Минский возглавлял литературно-философский отдел газеты. Именно с его разрешения в газете были напечатаны знаменитая ленинская статья «Партийная организация и партийная литература», «Первая программа РСДРП», острополюемическая статья М. Горького «Заметки о мещанстве». Как редактор Н. Минский поместил в газете свой «Гимн рабочим», начинавшийся строками «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», несколько стихотворений на революционные темы и сокращенный перевод «Интернационала» («Вставай проклятем заклеимённый...»). Редакторская деятельность Н. Минского отмечена некоей противоречивостью: с одной стороны, это свидетельство о пробуждении у Н. Минского стремления к общественной деятельности, с другой – неудачная попытка примирить «мистическую истину» с «доктриной социал-демократии» (Б. Мейлах). Попытка эта, как и само издание газеты, привели к тому, что редактор был обвинен в призыве к ниспровержению существующего строя и арестован. Несколько месяцев поэт провел в тюрьме, впоследствии был привлечен к суду.

Вторую часть этого периода можно датировать 1906–1913 гг. В 1906 г. поэт с огромными трудностями смог выехать в Европу. Поселившись в Париже, Н. Минский сотрудничал с московской газетой «Утро России», которая регулярно печатала его информационные материалы и стихотворные произведения. В 1907 г. издал в Санкт-Петербурге «Полное собрание стихотворений» в 4-х томах. Главным художественным произведением этого периода стала драматическая трилогия «Железный призрак» (1909), «Малый соблазн» (1910),* «Хаос» (1912)**. Об авторитетности Н. Минского и его жены поэтессы Людмилы Вилькиной в парижских российских литературных кругах свидетельствует, например, такой факт: юный Алексей Толстой, заявивший о себе поэтическим творчеством, с восторгом сообщал авторитетному Н. Брюсову, что его стихи похвалили и Н. Минский и Л. Вилькина***. В сентябре 1913 г. в связи с величай-

* Представляют собой психологические драмы о власти вещей над человеческим сознанием.

** Социальная драма, отразившая революционные события.

*** Об авторитетности творческого сотрудничества Н. Минского и Л. Вилькиной свидетельствует тот факт, что выполненные именно ими переводы пьес великого Мориса Метерлинка были настолько значимыми, что их включили в такое уникальное литературное издание СССР, как 200-томная «Библиотека всемирной литературы».

шем повелением о праздновании 300-летия царской династии Романовых, Н. Минский вместе с женой вернулись в Россию.

С 1914 по 1917 год (в годы Первой мировой войны) Н. Минский служил российским военным корреспондентом во Франции. Октябрьскую революцию 1917 г. встретил как радостное «пробуждение от кошмара войны», однако остался далек от ее полного принятия. Тем не менее, некоторое время работал в советском постпредстве в Лондоне. Впоследствии поселился и жил в Париже.

Наконец, пятый, последний период. Это жизнь Н.М. Минского в эмиграции (1917 – 2 июля 1937 г.)^{*}. Однако, он выходит за временные границы нашего исследования.

Обобщая, отметим следующее. Творчество уроженца Витебского Поозерья, поэта, драматурга, философа, переводчика Н. Минского отличается обостренным вниманием и «необыкновенной чуткостью к так называемым «проклятым» вопросам века» (М. Королицкий). Совпавшее по времени с тотальным духовным кризисом – философским (выявлением несостоятельности позитивизма и просветительского культа разума), религиозным (падение авторитета христианства), эстетическим (сознанием «недостаточности реализма»), политическим (крах народничества) – оно пронизано персоналистским мироотношением, получившим вырождение как в лирике, так и в философско-художественной прозе Н. Минского. Вместе с творчеством других выдающихся поэтов «серебряного века», реализовавших идейную и эстетическую программу символизма, оно способствовало формированию нового художественного мировосприятия, а затем и новых философских систем, получивших разработку в трудах Вл. Соловьёва, С. Булгакова, Н. Бердяева, Вяч. Иванова и др.

Приходится надеяться, что белорусские книгоиздатели донесут до современного читателя художественно-философское наследие Н. Минского, издав его произведения отдельной книгой.

Л и т е р а т у р а

1. Брюсов, В. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней / В. Брюсов. – М., 1912.
2. Вольная русская поэзия XVII–XIX веков: в 2 т. – Л., 1988. – Т. 2.
3. Добровольский, Л.М. Запрещенная книга в России. 1825–1904 / Л.М. Добровольский. – М., 1962.
4. Минский, Н.М. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни / Н.М. Минский. – СПб., 1897.
5. Перцов, П.П. Философские течения русской поэзии / П.П. Перцов. – СПб., 1899.
6. Щенникова, Л. История русской поэзии 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен / Л. Щенникова. – Екатеринбург, 2002.

Поступило 16.03.2006

^{*} Жизнь завершилась в одиночестве. На похоронах присутствовало всего несколько человек.